

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛИЗМА В ФОРМАЦИОННОЙ ТЕОРИИ

Мальцев Андрей Анатольевич - пенсионер, начал свою политическую деятельность в 70-х годах участием в подпольном (нелегальном) кружке, созданном студентами Казанского университета, в 1990 году выступил одним из учредителей Социал-демократической партии Российской Федерации (СДПР), периодически возглавлял Казанскую организацию СДПР, а в конце 2000-х входил в Президиум Правления СДПР (orcid.org/0000-0001-7584-8485)

THE PROBLEM OF SOCIALISM IN THE SOCIAL FORMATIONS THEORY

Mal'tsev, Andrew Anatol'sen, Having begun his political activities in the 70s by participating in an underground (illegal) circle created by students of Kazan University, the author in 1990 acted as one of the founders of the Social Democratic Party of the Russian Federation (SDPR), periodically headed the Kazan organization of the SDPR, and in the end of 2000s was a Member of the Board Presidium of the SDPR

Annotation. The development of Social formations theory and its contradictions are briefly considered. Formal dialectical constructions in K. Marx's reasoning are distinguished. It is argued that K. Marx implicitly identified essentially different dialectical triads. The correction of the formation theory, removing the existing contradictions, is proposed. A corresponding change in the generally accepted mechanism of formation transition is proposed.

Keywords: Socio-economic formation, socialism, post-industrial society, historical materialism.

DOI: 10.5281/zenodo.5647121

Введение

Современный марксизм находится в кризисе, признаком чего является хотя бы разнобой в представлениях о социализме. «Нет согласия в главном – в определении и оценке сути социализма как общественного строя» [44]. «Как такового социализма, то есть социализма в его классической (марксистской) постановке в России, да и в других странах не было. Это ныне признают многие учёные. “Исторический опыт показал, что социализма в реальности не было” – пишет академик Л. И. Абалкин. Эту же позицию разделяют такие учёные как С. Дзарасов, А. Колганов, В. Межуев, Л. Никифоров и др.» [9, с. 64]. В. Миронов определяет строй в СССР как азиатский способ производства [41, с. 439]. Г. Водолазов говорит «о “несоциализме” СССР» [6, с. 519]. С другой стороны, об «элементах советского социализма» говорит М. Воейков [7, с. 47], о социализме говорят М. Попов [43] и Л. Ольштынский [42, с. 94], о «падении социализма» Б. Славин [50, с. 86], об «оценке социализма» В. Межуев [40, с. 114].

В вопросе «А был ли в СССР социализм?» марксисты занимают три противоречащих между собой позиции [32]: 1) В СССР был госкапитализм, 2) социализм в СССР был, но искажённый в результате особенностей политического развития, 3) никаких искажений не было, социализм строился в соответствии с развитым В. Лениным и И. Сталиным марксизмом. Несмотря на противоречие этих позиций, *каждая из них*, тем не менее, выводится из тех или иных взглядов К. Маркса – именно это и создаёт тупиковую ситуацию в спорах, соответственно, блокирует возможность возникновения объединённой марксистской партии. Оценивая эти разногласия, и даже в более широком смысле – разногласия в мировой марксистской мысли, М. Котельников, к примеру, полагает, что решить задачу их преодоления «без обращения к диалектическому инструментарию заведомо невыполнимо» [17, с. 36]. Именно диалектику предлагал Ф. Энгельс как основу эпистемологии [52].

Однако применение формальной диалектики для анализа построений К. Маркса наталкивается на возражение, что Маркс не применял диалектику для прогнозов. Это следует хотя бы из замечаний Энгельса Дюрингу: «Таким образом, называя этот процесс отрицанием отрицания, Маркс и не помышляет о том, чтобы в этом видеть доказательство его исторической необходимости. Напротив, после того как он доказал исторически, что процесс этот отчасти уже действительно совершился, отчасти ещё должен совершиться, только после этого Маркс характеризует его к тому же как такой процесс, который происходит по определённом диалектическому закону. Вот и всё» [51, с. 138]. Бернштейн, ближайший ученик Ф. Энгельса, также высказывается вполне определённо: «Мне никогда не приходило в голову утверждать или предполагать, что Маркс и Энгельс когда-либо делали свои выводы относительно будущих событий или того или иного исхода событий, опираясь прямо на закон отрицания. Подобного детского отношения к предмету я бы не искал и у последнего клубного оратора, не говоря

уже об авторах «Манифеста»» [5, с. 333]. Совершив «переворот» диалектики Гегеля «с головы на ноги», Маркс на самом деле принял такую форму изложения, чтобы максимально уйти от саморазвития понятий гегелевской диалектики. В «Манифесте», к примеру, практически не видна диалектическая аргументация [36].

В результате в марксизме уживаются два противоположных положения. С одной стороны, Маркс-Энгельс как бы не применяют диалектику для обоснования своих прогнозов (переворот диалектики с головы на ноги), с другой – она основа эпистемологии. Вернёмся к дискуссии Энгельс – Дюринг, где прямо утверждается, что Маркс не применяет диалектику для доказательств [51, с. 138]. Это утверждение Энгельса можно было бы принять, если бы они считали диалектику ошибочным инструментом, но это далеко не так, вот что Энгельс пишет буквально через абзац: «О полном непонимании природы диалектики свидетельствует уже тот факт, что г-н Дюринг считает её каким-то инструментом простого доказывания, подобно тому как при ограниченном понимании дела можно было бы считать таким инструментом формальную логику или элементарную математику. Даже формальная логика представляет собой *прежде всего метод для отыскания новых результатов*, для перехода от известного к неизвестному; и *то же самое*, только в гораздо более высоком смысле, *представляет собой диалектика*» (курсив мой – А.М.) [51, с. 138]. То есть Маркс и Энгельс считали диалектику именно методом для прогнозов, а если учесть эпистемологические требования в «Диалектике природы», то основным методом.

Но на самом деле не так уж и важно – применяли Маркс с Энгельсом диалектику или нет. Если диалектика отражает объективные закономерности Природы (и общества), и если тексты Маркса и Энгельса также отражают эти объективные закономерности, тогда в их текстах можно выделять формальные диалектические конструкции, например, закон отрицания отрицания – независимо от того, выделили ли эти конструкции сами Маркс с Энгельсом.

Разработка формационной теории

Начало разработке теории положено в «Святом семействе» [39] и «Немецкой идеологии» [38]. Рассуждения укладываются в закон отрицания отрицания – развитие начинается с племенного общества (разделения труда и частной собственности ещё нет), как антитезис возникает частная собственность, что ведёт к появлению рынка и государства (отделившейся от людей социальной силы – процесс отчуждения), возникает пролетариат, и в результате революции (отрицание отрицания) возникает коммунизм. Обозначим эту триаду как Большую Диалектическую Триаду марксизма (БДТ).

В первом приближении общая теория развития человечества до коммунизма была создана. На следующий же год Энгельс разрабатывает прикладное применение вновь созданной теории [54]. Однако, хотя «Принципы коммунизма» и созданы на базе «Семейства» и «Идеологии», в тексте Энгельса явно видна другая диалектическая триада,

где тезисом идёт мануфактурная фаза промышленности, отрицанием – крупное промышленное производство, а синтезом – устранение конкуренции и обобществление промышленности. Назовём эту триаду Узкой (УДТ). Также Энгельс вводит принцип: революция в базисе (промышленная) является основой надстроечной революции (появления новых классов, а затем изменения характера государственной власти и организации экономики).

«Принципы» по разным причинам были признаны не совсем удачными, и следом выходит «Манифест Коммунистической партии» [36] как расширенная и переработанная редакция «Принципов коммунизма», соответственно это также прикладной текст на базе общей теории («Немецкой идеологии»). В «Манифесте» стиль изложения выбран таким, чтобы максимально уйти от выделения формальных диалектических конструкций. Предложенная Энгельсом жёсткая связка базисной и надстроечной революций, видимо, не была оценена Марксом, а потому в «Манифесте» её в явном виде нет, и Энгельс также впоследствии её нигде не приводит.

Формационная теория дорабатывалась на протяжении всей жизни К. Маркса. В перечень форм собственности добавляется азиатский способ производства [34, с. 7]. Появляется «экономическая общественная формация» [35, с. 10]. В «Капитале» прямо выделяется формальная диалектическая конструкция: «Это — отрицание отрицания» [35, с. 773]. Поскольку за тезис берётся феодализм, как это однозначно следует из 11-й и 24-й глав, то преобразование в «Капитале» – это уже третья диалектическая триада, назовём её Малой (МДТ).

Также в «Капитале» Маркс однозначно отказывается от идеи Энгельса, что революцию в надстройке вызывает специальная революция в базисе: «Современная промышленность никогда не рассматривает и не трактует существующую форму производственного процесса как окончательную. Поэтому её технический базис революционен, между тем как у всех прежних способов производства базис был по существу консервативен. /.../ Тем самым она столь же постоянно революционизирует разделение труда внутри общества и непрерывно бросает массы капитала и массы рабочих из одной отрасли производства в другую» [35, с. 497-498]. Т. е. высказывается идея, что промышленная революция как революция в базисе характерна только для последнего времени (ранее базис был консервативен), и что эта революция вызывает не только переход к капитализму, но и последующий переход к социализму также.

Далее Маркс уточняет схему процесса – вводятся первичная, вторичная и третичная формации, которые соответствуют доклассовому обществу, этапу классово-антагонистических обществ и, наконец, будущему бесклассовому обществу [37]. Каждая из этих больших формаций в свою очередь может быть разделена на ряд малых формаций. Большие формации соответствуют БДТ, а внутреннее деление на малые формации учитывает тот факт, что исторический процесс невозможно уложить в рамки единственной диалектической триады.

В таком виде формационная теория осталась на момент смерти Маркса. Основным трудом Маркса считался «Капитал», а потому МДТ становится основным диалектическим преобразованием, используемым марксистами, в том числе в работах Каутского [13; 15], соответственно, в Программе СДПГ, а оттуда в Программе РСДРП [46] и так далее. Впрочем, Каутский использует одновременно и БДТ – в книге «Материалистическое понимание Истории» рассмотрение начинается с доклассовой первобытной формации [14].

Дальнейшее развитие формационной теории прошло в Советском Союзе, когда марксизм стал официальной идеологией. В частности, интенсивные исследования были посвящены введённой Марксом азиатской формации. Однако тут вмешалась политика. Возникающий в СССР колхозный строй имел слишком много аналогий с азиатским способом производства [41, с.439], а потому была инициирована дискуссия [12], по результатам которой азиатский способ производства был объединён с античным в рамках концепта рабовладельческой формации и таким образом убран с глаз широкой общественности – так возникла советская пятичленка.

Противоречия теории

Первым из крупных марксистов о противоречиях теории сказал ещё Э. Бернштейн. Теория в качестве механизма перехода от капитализма к социализму предполагала исключительно революцию. Бернштейн же заметил, что, социализация промышленности началась ещё до слома капиталистической формации [5, с. 160], а ориентация в пропаганде на революцию вредит электоральным успехам германской социал-демократии [5, с. 13].

Предполагалось, что социалистическая революция первоначально должна произойти в наиболее развитой стране, т. е. в Англии или США. Однако центр революционной борьбы сначала переместился на континент во Францию, затем в Германию, а ещё через некоторое время в Россию. Английский же пролетариат решительно отказывался начинать революцию.

Превращение пролетариата в «рабочую аристократию» и утрата им революционности получили объяснение в рамках выдвинутой В. И. Лениным «теории империализма» [18]. Однако эта теория полагала империализм *кануном* социалистической революции, а революции в Англии, Франции, США до сих пор не произошли (вот уже в течение более 100 лет от момента предсказания). Октябрьская же революция на роль предсказанной Марксом революции не подходит совершенно. Факт утраты пролетариатом революционности (прогрессивности) так и не получил должного объяснения – и в работах марксистов об этом говорится как о парадоксе уже современного рабочего движения [3, с. 228; 8, с. 96, 103; 16; 49, с. 74].

В России марксизмом предсказывалась буржуазная революция, после чего должен был наступить какой-то период буржуазного развития, и только потом

социалистическая революция. Именно поэтому Программа предусматривала программу-минимум и программу-максимум [46]. Возможность социалистической революции в России допускалась Карлом Марксом (без точной даты, в набросках письма Засулич) – но с некоторыми непременными уточнениями. Поскольку необходимый для социализма базис отсутствовал, то революция возможна, если опереться на какой-то другой, не российский базис, который уже созрел для революции – т. е. социалистическая революция возможна, если раньше произойдёт мировая революция, что позволит быстро поднять необходимый уровень российского базиса [37, с. 419-420]. Поэтому большевики так упирали на мировую революцию, а Ленин ждал её до самой смерти: «На этом доверии, однако, продержаться нам вплоть до победы социалистической революции в более развитых странах нелегко» [19, с. 401]. Однако *мировой революции (в наиболее развитых странах)* до сих пор не произошло, что явилось одной из причин сегодняшних марксистских дискуссий – А был ли вообще построен в СССР социализм?

Схема прогресса, заканчивающаяся социализмом и коммунизмом, поставлена под вопрос распадом СССР и упразднением социалистического характера России. То есть мало того, что предсказанная мировая революция до сих пор не произошла, так и лагерь социализма исчез с карты Мира. В 1918 году показалось, что мировая революция началась, это привело к принятию Второй программы РКП(б) – вводится понятие «эпоха социалистических революций» [45] как развитие ленинской теории империализма. Но революции в Европе потерпели поражение, а понятие «эпоха социалистических революций» сохранилось. Вместо «кануна революции», т. е. прогноза *близкой* мировой революции появилась некоторая неопределённая эпоха. С такой поправкой даже демонтаж СССР не особенно выпадает из исторической схемы марксизма. Однако прогностическая сила теории таким образом сводится к нулю – если канун может длиться несколько столетий.

Наконец противоречия в механизме формационного перехода. Марксом описаны переходы от феодализма к капитализму (на основе эмпирического материала) и от капитализма к социализму (как прогноз-гипотеза). Введение различных механизмов перехода обосновывалось тем, что социализм не может зародиться в рамках капитализма (однако этому стал возражать ещё Э. Бернштейн). Кроме того, Маркс позитивно цитирует описание диалектического метода: «ведь общие законы экономической жизни одни и те же, все равно, применяются ли они к современной или прошлой жизни? Но именно этого Маркс не признает. Таких общих законов для него не существует /.../ По его мнению, напротив, каждый крупный исторический период имеет свои законы. /.../ научная цена заключается в выяснении тех частных законов, которым подчиняются возникновение, существование, развитие, смерть данного социального организма и замещение его другим, высшим» [35, с. 20-21]. Здесь, казалось бы, говорится только об экономических законах, однако в конце прямо говорится о смерти и

возникновении организма, т.е. формации. А потому можно предполагать, что Маркс не видел ничего странного в том, что механизмы перехода от одной формации к другой различны.

Во времена Маркса был хорошо известен единственный формационный переход – к капитализму. Поэтому Маркс, исследуя исторические процессы, не мог опереться на повторяемость. В результате он формулирует гипотезу перехода к социализму, отличающуюся от описанного им перехода к капитализму. Гипотеза исходила из того, что переход к социализму осуществляется рабочим классом, который берет власть и производит обобществление собственности – в результате он отменяет себя как класс и отменяет классовое деление вообще. Устанавливается бесклассовое общество, то есть возникает новая формация.

А теперь используем повторяемость как метод и применим эту схему на предыдущем формационном переходе, чтобы ее противоречие выглядело более выпукло. Крестьяне начинают бороться с феодальной эксплуатацией, берут вилы, захватывают и жгут поместье, а землю делят. Крестьянская армия захватывает столицу и свергает царя. Напомним – вся пропаганда В. Ленина против народников строилась на опровержении подобного метода борьбы с феодализмом. На самом деле феодализм побеждается не крестьянством, а буржуазией, которая строит в результате капитализм.

Таким образом, формационный переход к социализму в классическом марксизме, сформулированный как гипотеза, и в марксизме-ленинизме, претендовавшем на то, что эта гипотеза подтвердилась, все равно вызывал вопросы своим противоречием другим эмпирически подтвержденным формационным переходам (переходу к капитализму). Факт же построения «общества социальной справедливости» и устранения в СССР эксплуатации стал подвергаться сомнению уже с середины XX столетия. Классово-антагонистический характер советского общества ещё в брежневские годы констатировался рядом исследователей: В. Ронкин и С. Хахаев "От диктатуры бюрократии к диктатуре пролетариата" (Ленинград, конец шестидесятых); в Горьком в 1968 г. пятеро студентов написали работу "Социализм и государство"; в том же 1968 г. Ю. Вудка из Рязани написал брошюру "Закат капитала"; В. Спиненко (Свердловск, 1971 г.) написал работу "Рождение новых классов и борьба при социализме" [2].

Наконец, во времена Маркса в научном обороте имелась единственная революция в средствах производства – промышленная. Но с тех пор в научный оборот введены, по крайней мере, ещё две революции – неолитическая и научно-техническая. И если неолитическая *на первый взгляд* особых вопросов не вызывает, она явилась основой возникновения государств и классовых обществ, то научно-техническая в марксизме *адекватно* не описана. Явилась ли она базисной основой перехода к социализму? Если да, то почему такой переход не произошёл в США или Японии? Если нет, то правомерно ли по отношению к ней вообще применять термин «революция»? Заметим также, что возникновение первого эксплуататорского класса, его обусловленность

неолитической революцией, технологическая необходимость этого класса для повышения производительности труда, как основы революции в средствах и способах производства, описываются общепринятой теорией неудовлетворительно или даже не описываются совершенно. Рассмотрение этих вопросов значительно увеличило бы объём статьи и вывело её за пределы журнального варианта. А потому отсылаем читателей к более ранней работе, где эти вопросы рассматриваются [24]. Все эти противоречия формационной теории стали хорошо видны ещё в 70-е годы.

Необходимая корректировка теории

Большинство противоречий группируются вокруг проблемы социализма как формации, вокруг социализма в СССР, и связанного с проблемой социализма вопроса – механизма формационного перехода.

Вернёмся ещё раз к началу формирования формационной теории. Это «Немецкая идеология», где вводится БДТ. «Принципы коммунизма», где присутствует УДТ. «Капитал», где изложение укладывается в МДТ. Но фактически используя *три разных диалектических триады*, Маркс и Энгельс во всех этих трёх случаях в качестве синтеза предлагают коммунизм. И если для БДТ это оправданно (в качестве тезиса идёт первобытный коммунизм), то для МДТ и УДТ вызывает вопросы. Если диалектическая триада начинается не с архаичного коммунизма, то на каком основании коммунизм предлагается в качестве синтеза?

На что обращал внимание Энгельс в «Принципах...»? Капиталистическая анархия производства с неизбежностью порождает кризис перепроизводства, и не может его не породить (12-й вопрос). И именно кризисы перепроизводства являются основной причиной *необходимости* обобществления собственности (13-й вопрос) – без обобществления экономика испытывает крах [54, с. 328-329]. Как протекали социальные процессы после того, как эта проблема была сформулирована?

Вот цитата 1871 года: «Однако те представители господствующих классов, – и их не мало, – которые достаточно умны, чтобы понять, что настоящая система не может долго существовать, стали назойливыми и крикливыми апостолами кооперативного производства. А если кооперативное производство не должно оставаться пустым звуком /.../ не будет ли это, спрашиваем мы вас, милостивые государи, коммунизмом, «возможным» коммунизмом?» [33, с. 346-347]. О какой кооперации тут идёт речь? О кооперации между крупными капиталистическими предприятиями, то есть о синдикатах, картелях и трестах. Имеется прогноз 1847 года об *объективной необходимости обобществления* средств производства. Через 24 года обобществление собственности (создание акционерных *обществ*) начало активно пропагандироваться, а ещё через 30 лет большинство промышленности было монополизировано. Прогноз блестяще подтвердился. Не подтвердилась только одна сторона прогноза – обобществление, по мнению Маркса, должно было быть *всеобщим*, а реально произошло *частичное*

обобществление. Однако тут надо учитывать, что для прогноза в руках у Маркса был только один инструмент – диалектика. А диалектика это хотя и работоспособный, но крайне грубый, неудобный и архаичный инструмент. Само явление обобществления с его помощью ещё предсказывается. Но с помощью диалектики в принципе невозможно ответить на такой, к примеру, вопрос: А какова должна быть *минимальная* степень обобществления, *достаточная* для того, чтобы кризисы перепроизводства не уничтожали экономику, а лишь создавали временные затруднения? Прогнозируя это *всеобщее* обобществление, Маркс с Энгельсом, иронизируют над подобным стремлением к всеобщему у младогегельянцев: «Младогегельянцы разделяют со старогегельянами их веру в то, что в существующем мире господствуют религия, понятия, всеобщее. Но одни восстают против этого господства как против узурпации, а другие прославляют его как нечто законное» [38, с. 17-18].

Напомним приводившиеся уже слова Маркса, что новый класс (в данном случае номенклатура – об этом разговор пойдёт позднее), когда он борется за власть со старой элитой (в данном случае – капиталистами), должен представить свой интерес как общий, то есть придать своим мыслям форму всеобщности [38, с. 47]. И это дополнительная причина, почему прогнозировалось именно всеобщее обобществление. Если же учесть эти моменты, что из диалектики может следовать не только очевидный на первый взгляд всеобщий прогноз, но и частичный вывод, например, частичное обобществление, *которое все равно есть обобществление*, тогда способность обобществлённых предприятий (трестов, картелей, синдикатов) относительно спокойно выживать во время кризисов и прошедший на рубеже XX века процесс монополизации являются признаками, что УДТ пришла в стадию синтеза. Обобществление промышленности произошло, как это и предсказывал Энгельс. Прогноз же о том, что это означает коммунизм, оказался неоправданным.

Монополизированная промышленность становится *одновременно и частной* (на праве владения акцией) и *общественной* (акционерное общество) – такую именно форму собственности и выдвигал Дюринг как обвинение Марксу, пытаясь опровергнуть его теорию методом доведения до абсурда: «Итак, Маркс /.../ приходит к тому выводу, что в будущем обществе будет господствовать собственность в одно и то же время и индивидуальная и общественная, в качестве гегелевского высшего единства снятого противоречия. /.../ Собственность, в одно и то же время и индивидуальная и общественная, — эта туманная уродливость, эта нелепица, получающаяся из гегелевской диалектики, эта путаница, эта глубокомысленная диалектическая загадка, которую Маркс предоставляет разрешить своим адептам, — опять-таки является продуктом свободного творчества и воображения г-на Дюринга. /.../ г-н Дюринг ещё не открыл этого чудовища — индивидуальной и в то же время общественной собственности» [51, с. 133-136]. Диалектический прогноз Дюринга, как видите, блестяще реализовался – даже *вопреки мнению и Дюринга, и Энгельса*. В этом и состоит *объективность*

исторического процесса, не обращающего внимания ни на мнение политиков, ни на мнение учёных.

Ситуация с МДТ несколько более сложна – при жизни классиков эта триада в стадию синтеза не пришла, хотя признаки начинающегося завершения этой триады уже появились. Одновременно с распространением монополизма и власть начала уплывать из рук капиталистов: «Социальная функция капиталиста перешла здесь в руки служащих, получающих заработную плату; а капиталист продолжает класть в карман в виде дивидендов вознаграждение за эти функции, хотя он перестал их выполнять» [53, с. 298]. Хотя тут Энгельс неоправданно смешивает два существенно разных класса – рабочих и управляющих. Он полагает, что управляющие (менеджеры, номенклатура) принадлежат к рабочему классу на том только основании, что они так же являются наёмными, не понимая, что это новый, только что возникший класс.

Как рабочий класс явился следствием промышленной революции, следствием появления нового способа производства, так и менеджеры как класс являются следствием появления постиндустриального производства, следствием начала НТР. И поэтому то, что появился и начал усиливаться новый класс, Энгельс ошибочно интерпретирует как надвигающуюся победу рабочего класса. Впоследствии это приведёт к ошибкам современного марксистского классового анализа [30].

Монополизация, завершение УДТ не означают переход в новую пост-капиталистическую формацию. Но монополизация создаёт необходимые для этого условия. Монополии – первые в истории экономические субъекты, которые достаточно богаты, чтобы создать в массовом масштабе НИИ и КБ, Ленин в «Империализме» описал скупку трестами патентов и создание ими внутренних структур для исследовательских работ [18, с. 319]. Инженеры и учёные, работающие в ведомственных НИИ, составляют основную массу нового производящего класса, пролетарского класса эпохи НТР. На протяжении XX века относительная численность инженеров неуклонно росла, а рабочего класса – падала. Именно так и развивалось постиндустриальное производство.

Итак, начиная с рубежа XX столетия появляются в массовом масштабе НИИ и КБ (мануфактуры НТР), то есть изменяется классовый характер «среднего класса» - его основой становятся не мелкие лавочки, не буржуазия, а менеджеры, инженеры и учёные. В XX столетии инженеры и учёные из прослойки (из среднего класса) превратятся в основной пролетарский класс эпохи НТР. Одновременно индивидуальные капиталисты оттесняются от власти, которая переходит к управляющим. Возникает даже термин «революция менеджеров».

Историю возникновения этого термина подробно приводит Д. Белл. Ещё Л. Троцкий заметил, что власть в СССР принадлежит не рабочему классу, что рабочий класс оттесняется от власти бюрократией, хотя он и не называет бюрократию классом, а только слоем, стратой – на том основании, что этот слой ещё не носит наследственного характера. Затем, вскоре после германо-советского пакта, Л. Троцкий объяснял

своим сторонникам, что достигнута новая историческая реальность: поскольку дальнейшее сохранение распадающегося капиталистического мира невозможно, либо пролетариат организует мир для социализма, либо новый социальный тип — бюрократический коллективизм — утвердится на исторической сцене. Термин «бюрократический коллективизм» Л. Троцкий заимствует из книги Р. Бруно «Бюрократизация мира», опубликованной в 1939 году в Париже. Бюрократы в СССР, по мнению Бруно, не только составили новый класс, но стали предвестниками социальной революции, породившей новый правящий класс по всему миру: сталинская Россия, гитлеровская Германия, Италия Муссолини, Америка Рузвельта — все они элементы общего явления. Далее М. Шахтман развивал мысль, что СССР есть не социалистическое или капиталистическое государство, а новый тип общества. Наконец Дж. Бёрнхем выдвинул теорию революции менеджеров [4, с. 118-121].

Таким образом, на рубеже XX столетия возникает новый постиндустриальный способ производства и меняется характер государственной власти. Однако это ещё не означает совершившегося формационного перехода. Основное противоречие капитализма — противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения. И пока это противоречие актуально, говорить о переходе в новую формацию несколько преждевременно.

Устранение основного противоречия капитализма происходит в 30-х годах XX века: «Действуя в соответствии с тем, что теперь называют кейнсианской революцией, государство берет на себя задачу регулирования совокупного дохода, расходуемого на приобретение товаров и услуг, в масштабе всей экономики. Оно стремится обеспечить достаточно высокий уровень покупательной способности, позволяющий реализовать всю продукцию, которую может произвести существующая в данный момент рабочая сила» [11, с. 29]. Создаются общественные фонды потребления, из которых финансируются пособия по безработице. Это позволяет полностью заблокировать основную проблему капитализма — кризисы неплатежей: «В течение двух десятилетий, прошедших после Второй Мировой войны, не было ни одной глубокой депрессии; с 1947 по 1966 г. был лишь один год, когда реальный доход в США не возрос» [11, с. 30]. После Второй мировой войны и кризиса 70-х годов Европа также пошла по этому пути. Так возникло современное западное социальное государство. Таким образом, МДТ, начинающаяся с многочисленных феодальных монополий (тезис), переходит к свободному рынку, к капиталистической анархии производства (антитезис) и далее приходит к государственному регулированию экономики на стадии современного монополизма (синтез). Триада полностью завершается.

Как видите, Маркс и Энгельс предсказали важные особенности пост-капиталистической формации — необходимое обобществление промышленности (монополизацию) и переход власти из рук капиталистов в руки наёмных работников (менеджеров), что и реализовалось в ходе исторического развития. Однако они неоправданно

отождествили эту формацию с коммунизмом. Несмотря на декларации, коммунистического характера социализма не удалось достичь даже в Советском Союзе, соотношение между гражданским обществом и государством резко сместилось в сторону последнего даже относительно их соотношения в царской России. А какой же коммунизм при усилении-то государства? Классово-антагонистический характер советского строя подробно обоснован М. Восленским [10].

С учётом этих замечаний общая схема исторического прогресса должна выглядеть следующим образом:

- Первичная формация (первобытный коммунизм)
- Вторичная формация (классово-антагонистические общества)
 1. Рабовладельческая формация
 2. Феодалная формация
 3. Капиталистическая формация
 4. Социализм
- Третичная формация (коммунизм)

Социализм как формация должен быть отнесён не к третичной формации, а к вторичной формации классово-антагонистических обществ и применяться как синоним термину «постиндустриальное общество». В Постсоветской школе критического марксизма единственно Г. Водолазов допускал возможность подобного изменения классификации, хотя он и отрицает антагонистический характер социализма – в СССР, по его мнению, существовала формация, отличающаяся как от капитализма, так и от традиционного представления о социализме [6, с. 519]. Однако в такой постановке вопрос сводится всего лишь к названию этой 4-й малой формации. Можно называть и не социализмом, а, например, постиндустриальным (посткапиталистическим) обществом – это не важно.

Как видите, в прогнозах К. Маркса смешано (отождествлено) два принципиально различных прогноза: 1) прогноз перехода от капитализма к более прогрессивной формации – этот прогноз полностью реализовался; 2) прогноз построения коммунистического общества – этот прогноз остаётся пока не подтверждённым, и он, во всяком случае, реализуется не раньше, чем возникнет возможность отмирания государства. Первый из этих прогнозов непосредственно следовал из анализа текущего исторического развития – УДТ и МДТ. Прогноз же о коммунизме, БДТ, не имеет, строго говоря, непосредственной хронологической привязки. Отождествление между собой этих двух различных прогнозов и создаёт большинство проблем в сегодняшнем марксизме.

Механизм формационного перехода

Все вышеизложенное заставляет пересмотреть и схему формационного перехода. В отличие от описанного Марксом естественного характера формационного перехода от феодализма к капитализму для перехода к социализму предлагался искусственный

механизм – рабочий класс вынужден бороться против эксплуатации, в этой борьбе он развивает социалистическое сознание, что помогает ему захватить власть и устранить эксплуатацию. Тем самым происходит смена формации.

Однако без управляющего воздействия марксистской партии рабочий класс развивает лишь тред-юнионистское сознание и борется не за свержение капиталистического строя, а за увеличение зарплаты и улучшение условий труда. Внутри революционного движения возникает противоречие между «экономистами» и «революционерами». Ещё на Втором съезде РСДРП Акимов заметил: «Борьба за улучшение положения пролетариата становится для партии посторонним делом и интересует её лишь как конъюнктура, в которой она действует. Таким образом, в этом пункте программы проявилась тенденция обособить нашу партию и её интересы от пролетариата и его интересов. Ещё ярче это проявилось в абзаце о задачах партии. Там понятия – партия и пролетариат – совершенно обособлены и противопоставлены, первая как активно действующее коллективное лицо, второй как пассивная среда, на которую воздействует партия. Поэтому в предложениях проекта имя партии везде фигурирует как подлежащее, а имя пролетариата как дополнение (смех) («Второй съезд РСДРП, протоколы», стр. 127.)» [1, с. 80].

Ещё в большей мере это противоречие проявилось в ленинском проекте «партии нового типа» [21], где излагался проект партии, состоящей из профессиональных революционеров (т. е. номенклатуры, управленцев-менеджеров революционного движения) – именно эта партия и взяла власть в России 1917 года. Однако такой искусственный (с помощью волевого воздействия революционной партии) путь свержения власти капиталистов реализовался далеко не в самых развитых странах. Естественный же процесс (в наиболее развитых странах) до сих пор к революции (вооружённому восстанию пролетариата) не пришёл. Но что гораздо более интересно – в развитых странах произошёл процесс смены общественно-экономического характера государственного строя, процесс естественный (стихийный), и механизм смены строя повторяет механизм перехода к капитализму. Таким образом, мы имеем повторяющийся механизм – чего не было во времена Маркса. Это позволяет более детально его описать.

Любая ОЭФ определяется способом производства (СП). Более прогрессивный СП увеличивает богатство общества и, тем самым, повышает плотность населения. Антагонистический способ производства раскалывает общество на два противостоящих класса – элитарный и пролетарский. В сумме эти два класса составляют подавляющую часть общества, хотя пролетарский многократно превосходит остальные классы по численности. При феодализме крестьянство – 80%, при капитализме рабочие в Германии конца XIX века составляли 60-70%, в настоящее время в развитых странах численность инженеров и учёных, вообще работников информационной отрасли (производство и переработка информации), приближается к половине населения и их количество растёт. Элитарный и пролетарский класс находятся в антагонизме. Не каждый

способ производства может определить формацию. Скажем, ремесленный СП существовал тысячелетия, но никакую формацию определить не смог как раз потому, что ремесленники никогда не составляли подавляющую часть населения.

По мере развития любой формации основной СП начинает порождать кризис формации (для капитализма – кризис неплатежей). Этот кризис неустраним, поскольку устранив причину кризиса (устранив СП) мы устраним саму ОЭФ – произойдёт деградация на предыдущий формационный уровень и вынужденная депопуляция. Именно это и происходит в современной России – Госплан демонтирован, а действующее государство принципиально не регулирует экономику.

Выход из кризиса заключается в изобретении (открытии) нового СП. Наиболее предприимчивая и мобильная часть пролетарского класса стихийно сбегает из основного СП и образует средний класс (для феодализма – буржуазию). Именно средний класс создаёт новый СП, который даёт начало более прогрессивной ОЭФ. Новый СП возникает первоначально в «мануфактурной», т. е. несовершенной форме. Начинается рост богатства нового класса и обнищание старой элиты. Опираясь на экономику средний класс начинает борьбу за власть. В это время он воспринимается ещё монолитным (термин «индустриалы»), который объединяет рабочих и предпринимателей в одном классе, «техноструктура» Гэлбрейта, объединяющая инженеров и менеджеров) – внутренние противоречия в возникающей паре антагоничных классов в этот момент меньше их противоречий со старой элитой. Возглавляя протестные настроения верхушка среднего класса совершает революцию, захватывает власть и образует новую элиту.

Пролетарские классы, конечно, тоже борются с эксплуататорами (крестьяне с феодалами, рабочие с капиталистами), однако борьба крестьян никогда не приводила к крушению феодализма. Рабочие же без управляющего воздействия марксистской партии склонны бороться не за свержение власти капиталистов, а за увеличение зарплаты и улучшение условий труда.

Средний класс даёт начало новому пролетарскому классу новой формации. Так нижние слои буржуазии (ремесленники и подмастерья) стали образцом, по которому образовался рабочий класс, интеллигенция стала образцом для класса инженеров. Основная масса старого пролетарского класса перетекает в новый пролетарский класс.

Часть старого правящего класса может войти в новую элиту – несколько изменив свой классовый характер. Основная же часть старой элиты деклассируется, а её способ производства вытесняется в криминальную область. Так при капитализме феодальная собственность на землю либо полностью упраздняется, либо принимает капиталистический характер и превращается в ренту. Внеэкономическое принуждение к труду криминализируется. Происходит вторая, «машинная» фаза революции в базисе. Новая формация начинает экстенсивно развиваться и через некоторое время

возможности развития исчерпываются. Эксплуататорский класс может далее увеличивать своё богатство только усиливая эксплуатацию. Начинается классовая борьба нового пролетарского класса с новой элитой.

Способ производства, определяющий данную формацию, развившись до своего предельного состояния, начинает порождать кризис формации. Кризис преодолевается созданием нового СП, что осуществляет новый средний класс – все повторяется на новом формационном уровне.

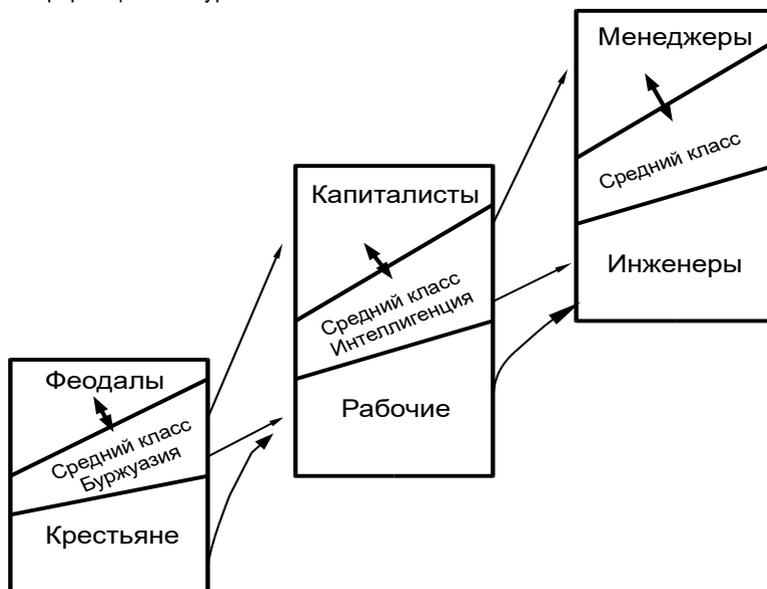

Рис. 1. Схема классовых трансформаций при формационных переходах

Такая схема формационного перехода была предложена мной ещё в 1990 году [28; 29; 47] и постепенно дорабатывалась и уточнялась в последующих публикациях [22; 23; 25; 26; 27; 31].

Возьмём для примера Россию. Идеология революционной борьбы была выработана в Европе, в условиях гораздо более развитого экономического базиса, а возглавила борьбу революционная интеллигенция. Польский анархо-синдикалист В. Махайский «ещё в 1899 году в книге “Эволюция социал-демократии” доказывал, что мессианизм социализма является замаскированной идеологией недовольной интеллигенции, использующей пролетариат в качестве орудия достижения власти для самой себя» [4, с. 130]. Пролетариат выделил из себя разночинную интеллигенцию, которая и стала средним классом капитализма, возглавив революционную борьбу. Ленинская теория

«партии нового типа» стала наиболее совершенной методологией подготовки революции.

Идеология революционной интеллигенции называлась «идеологией рабочего класса» – вынужденная необходимость представить свою идеологию в форме всеобщности [38, с. 47]. А потому после захвата власти большевиками внутри победившей партии началась борьба между формирующейся номенклатурой и рабочей массой, которая за чистую монету принимала идею диктатуры «пролетариата». Это, прежде всего, платформа «децистов», настаивавших на внутривнутрипартийной демократии, и «рабочая оппозиция» Шляпникова, настаивавшая на том, что, по крайней мере, экономическую политику в стране должны определять профсоюзы (поскольку после революции подавляющее большинство рабочих было членами какого-либо профсоюза). Обе платформы были разгромлены ещё В. И. Лениным, и в результате была принята резолюция о запрете фракций. Позднее за внутривнутрипартийную демократию боролись троцкисты, но также были разгромлены, что и привело в конце концов к единоличной власти И. Сталина как ставленника формирующегося класса номенклатуры. Октябрьская революция на первых порах завершала буржуазную революцию, как это отмечал сам Ленин: «Наша задача – буржуазную революцию довести до конца» [20, с. 107]. Но стратегической целью большевиков было построение социализма. Эта цель начала осуществляться, как только приступили к индустриализации. Советская экономика с самого начала была сильно монополизирована и подчинена Госплану. Началом же в нашей стране НТР следует признать план ГОЭЛРО и создание в рамках этого плана сети НИИ и КБ. После завершения ГОЭЛРО сеть НИИ и КБ только увеличивалась. В результате Советский Союз вышел на одно из лидирующих мест в научном прогрессе.

Уточнение механизма формационного перехода заставляет остановиться и на характере рабочего класса. В многочисленных российских партиях коммунистов-консерваторов до сих пор идеальным состоянием общества полагают «диктатуру пролетариата», понимая под этим диктатуру рабочего класса, а сам рабочий класс считают гегемоном. Однако напомним, К. Маркс отнюдь не идеализировал рабочий класс: «свергающий класс только в революции может сбросить с себя всю старую мерзость и стать способным создать новую основу общества» [38, с. 70]. А потому «рабочее происхождение» советской номенклатуры само по себе ни о чем не говорит – номенклатура могла сбросить, а могла старую мерзость и не сбросить. Тем более, что между XVII и XVIII съездами ВКП(б) прошёл процесс удаления революционеров из руководства партии, да и ранее на протяжении 20-х годов этот процесс шёл, хотя и не так интенсивно. Ну а сегодняшняя властная элита современной России практически вся вышла из советской номенклатуры. Разве что к ней прибавилось некоторое количество криминалитета. К тому же прогрессивность рабочего класса исчерпывается на рубеже XX столетия – начинается формирование постиндустриального общества, и гегемония переходит к классу инженеров. А потому в обществах с сильным влиянием рабочих

устанавливается тоталитаризм – форма современного бонапартизма, бонапартизм эпохи НТР.

«Формы и способы жизнедеятельности, специфика массового сознания, уровень культуры рабочего класса формируются не только эксплуатируемым положением, но и организационно-технологическим деспотизмом, порождающим тоталитарный тип сознания. Надо тщательно изучить, случайно или закономерно тоталитарное перерождение общества при исторических попытках построить социализм посредством авангардной роли класса придатков машин» [48, с. 42]. Мы как-то обсуждали эту проблему с Галиной Яковлевной Ракитской, и я не только поставил этот вопрос, но дал и развернутый ответ на него. Ведь что является главным производственным преступлением рабочего на его рабочем месте? Отступление от стандарта. И как же при такой-то характеристике рабочего как рабочего не возникнет тоталитаризм?

А вот советские инженеры в XX веке доказали принципиальную возможность коммунистического общества. Инженер зачастую готов платить за то, чтобы ему дали поработать. Хрестоматийный пример, лежащий в истоках советской космонавтики – ГИРД (Группа Инженеров, Работающих Даром). В XX веке (тем более сегодня) рабочий класс мог сохранять прогрессивность только в союзе с классом инженеров. Дискриминируемое положение инженеров в СССР – одна из главных причин распада страны.

Заключение

Таким образом, мы рассмотрели основные противоречия в формационной теории и предложения по её корректировке. Такая корректировка давно назрела. Именно противоречия в теории порождают раздробленность левого движения, неспособность создать консолидированную партию. Предложенная корректировка теории позволяет снять большинство противоречий в современном марксизме, поскольку различные конкурирующие позиции становятся частными случаями общей теории.

Литература

1. Авторханов А. Происхождение партократии. Том I. Germany, Frankfurt/Main: Посев, 1981. 551 с.
2. Алексеева Л. История инакомыслия в СССР. Новейший период. Benson: Khronika Press, 1984. 427 с.
3. Арсланов В.Г. О материалистической диалектике и всемирной истории. // Социализм-21. 14 текстов постсоветской школы критического марксизма. М., Культурная революция, 2009. С. 213-245.
4. Бэлл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М.: Academia, 2004. CLXX, 788 с.
5. Бернштейн Э. Очерки из истории и теории социализма. С-Пб, 1902. 400 с.
6. Володазов Г.Г. От «социализма» к «реальному гуманизму» (об идейной эволюции социалиста-шестидесятника). // Социализм-21. 14 текстов постсоветской школы критического марксизма. М.: Культурная революция, 2009. С. 517-614.

7. Воейков М. Две версии марксистской теории социализма. // *Альтернативы*. №2. 2007.
8. Воейков М. Проза настоящего. 13 тезисов о классовой борьбе в России. // *Социализм*. 21. 14 текстов постсоветской школы критического марксизма. М., Культурная революция, 2009. С. 271-332.
9. Воейков М. Уроки «государственного социализма»: пересмотр идейно-теоретической концепции. // *Альтернативы*. №4. 2006.
10. Восленский М. Номенклатура. М.: «Захаров», 2005. 640 с.
11. Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество. М.: Эксмо, 2008. 1200 с.
12. Дискуссия об азиатском способе производства: По докладу М. С. Годеса. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 184 с.
13. Каутский К. Классовые интересы. Харьков: Пролетарий, 1923. 39 с.
14. Каутский К. Материалистическое понимание Истории. Т. 2. Государство и развитие человечества. М., Л.: Гос. Соц.-Эконом. Изд., 1931. 851 с.
15. Каутский К. Эрфуртская программа. М.: Книгоиздательство Е.Д. Мягкова «Колокол», 1905. 292 с.
16. Колганов А.И. Маркс–XXI: пределы и потенциал социальной философии. Критические ремарки. // *Вопросы философии*. №6. 2018.
17. Котельников М.Е. Диалектика науки и идеологии в историческом развитии марксизма (социально-философский анализ). Диссертация на соискание учёной степени д.ф.н. На правах рукописи. Институт философии РАН. М.: 2008. 427 с.
18. Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма. // Ленин В.И. ПСС. Т. 27. С. 299–426.
19. Ленин В.И. Лучше меньше, да лучше. // Ленин В.И. ПСС. Т.45. С.389-406.
20. Ленин В.И. Политический отчёт ЦК РКП(б) 27 марта на XI съезде РКП(б). // Ленин В.И. ПСС. Т.45. С.69-116.
21. Ленин В.И. Что делать. // Ленин В.И. ПСС. Т. 6. С. 1-192.
22. Мальцев А. XXI век – эпоха завершения социализма. // XXI век – эпоха эволюционного развития социализма. Материалы Межвузовской научной конференции 26-27 октября 2004 г. Мурманск: МГТУ, 2004.
23. Мальцев А. Карл-Маркс – буржуазный экономист. // XXI век – эпоха эволюционного развития социализма. Материалы Межвузовской научной конференции 26-27 октября 2004 г. Мурманск: МГТУ, 2004.
24. Мальцев А. Корректировка формационной теории. // «Камо грядеши» (Февраль-март 2021) URL: <http://mrija2.narod.ru/sdpr438.html>
25. Мальцев А. Маркс–Тойнби–матрица Новикова. // Межрегиональная научно-практическая конференция "Пути общественного развития страны". (10 июня 1995 г. Тезисы докладов). Казань: КГТУ, 1995.
26. Мальцев А. Некоторые аспекты ближайшего формационного перехода. // Становление гражданского общества и демократической политической системы в РФ: Материалы всероссийской научно-практической конференции (октябрь 2002 года Казань). Казань: Центр информационных технологий, 2004. С. 195-199.
27. Мальцев А. Ноосферная революция как неомарксизм. // Межрегиональная научно-практическая конференция "Пути общественного развития страны". (10 июня 1995г. Тезисы

докладов). Казань: КГТУ, 1995.

28. Мальцев А. Ноосферная революция (Первая редакция статьи). // ЦГА историко-политической документации РТ. Фонд 8297. Опись 1. 5п. Статьи сопредседателя КСДО А.А. Мальцева. Машинопись, 1990 г.; а также <http://mrija2.narod.ru/sdpr88.html>

29. Мальцев А. О классовой расстановке сил в современной России. (План-конспект выступления на Учредительном съезде СДПР 5 мая 1990 года по поводу программы СДПР.) // ЦГА историко-политической документации РТ. Фонд 8297. Опись 1. 4п. Текст выступления сопредседателя КСДО А.А. Мальцева на учредительном съезде СДПР 5 мая 1990 г.

30. Мальцев А. Ошибки современного марксистского классового анализа. // «Камо грядеши» (Август-ноябрь 2019) URL: <http://mrija2.narod.ru/sdpr420.html>

31. Мальцев А. Проблемы современного марксизма. // Новые идеи в философии. Выпуск 13. Философия в современной России. Межвузовский сборник научных трудов (по материалам Общероссийской научной конференции. Пермь, 14-16 апреля 2004 г.) Т. 2. Пермь: ПГУ, 2004. С. 89-99.

32. Мальцев А. Четыре несводимых друг к другу позиции в современном марксизме. // «Камо грядеши» (Февраль 2020) URL: <http://mrija2.narod.ru/sdpr393.html>

33. Маркс К. Гражданская война во Франции. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 17. С. 317-370.

34. Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие. // К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., Т. 13, С. 6-8.

35. Маркс К. Капитал. Том 1. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. 907 с.

36. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 419-459.

37. Маркс К. Наброски ответа на письмо В.И. Засулич. // К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., Т. 19, С. 400-421.

38. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 7-544.

39. Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 3-230.

40. Межуев В.М. Социализм – пространство культуры // Социализм-21. 14 текстов постсоветской школы критического марксизма. М.: Культурная революция, 2009. С. 113-164.

41. Мионов В.Н. Трагедия Октябрьской революции. // Социализм-21. 14 текстов постсоветской школы критического марксизма. М.: Культурная революция, 2009. С. 438-449.

42. Ольштынский Л. Изучение исторических процессов. // Альтернативы №2 2007 г.

43. Попов. М.В. Рецензия на книгу Б. Кагарлицкого "Марксизм: не рекомендовано для обучения" 30 июня 2012. // <https://rkrp-rpk.ru/2012/06/30/кагарлицизм-вместо-марксизма/>

44. Пригарин А. Социализм: спор о прошлом и будущем. // <https://www.polit.lv/?article=77>

45. Программа Российской коммунистической партии (большевиков). 1919. // VIII съезд Российской Коммунистической Партии (большевиков). Москва, 18-23 марта 1919 года. Стенографический отчет. М., Коммунист, 1919. (цитируется по: Музей истории российских реформ имени П.А. Столыпина, <http://музейреформ.рф/node/13768>).

46. Программа Российской социал-демократической рабочей партии, принятая на II съезде партии. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. Т. I. 1898-1917. М.: ИПЛ, 1983. С. 60-63.

47. Программа Социал-демократической партии Российской Федерации (СДПР). Проект Андрея А. Мальцева. // ЦГА историко-политической документации РТ. Фонд 8297. Опись 1. 6п.

Политико-философский бюллетень «Ноосфера» №6 1990 г. Машинопись.

48. Ракитская Г. Идеология последовательного гуманизма: предпосылки и вероятность реализации // *Альтернативы*. №1. 2007.

49. Ракитская Г.Я. Социализм вчера, сегодня и завтра. Обзор научной конференции. // *Альтернативы*. №1. 2007.

50. Славин Б.Ф. О социализме, свободе и тоталитаризме // *Социализм-21*. 14 текстов пост-советской школы критического марксизма. М.: Культурная революция, 2009. С. 83-112.

51. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 1-338.

52. Энгельс Ф. Диалектика природы. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 339-626.

53. Энгельс Ф. Общественные классы — необходимые и излишние. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 296-299.

54. Энгельс Ф. Принципы коммунизма. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 322-339.
